

Перед тем как сесть в повозку, пожилая женщина из группы шрамолицега любезно протянула им медную грелку — мол, в дороге согреет, — и дала небольшой узелок с провизией. «В повозке есть вино, — добавила она. — Озябли — перекусите, запивая, чтобы теплей стало. Впереди две горные дороги, снег, путь скользкий, до уезда до темноты, может, и не успеем. Не оставайтесь голодными».

Каменщик Чжан твердил: «Не надо-не надо, стыдно-стыдно», но при этом крепко прижимал к себе медную грелку, не испытывая ни капли настоящего смущения.

В повозке было чуть теплее, чем снаружи, но до настоящего тепла всё равно далеко.

Каменщик Чжан погрел о грелку заочевшие пальцы, а взгляд его так и норовил скользнуть к сложенным одеялам. Но между ним и одеялами сидели Лу Няньци и Цзян Шинин — протянуть руку через них было бы слишком заметно. Он вовсе не хотел привлекать внимание Сюэ Сяня, этого «предка», каким-нибудь шумом.

Покрутив глазами, Каменщик Чжан повернулся к Лу Няньци:

— Возьмём одно одеяло на двоих? Грелку поставим посередине, колени согреем, ладно?

Лу Няньци невольно взглянул на него — отвращение если и не читалось на лице явно, то было совсем близко к тому:

— Не надо. Мне не холодно. Грейся сам.

Не желая выпускать грелку, Каменщик Чжан ткнул подбородком в сторону рук Лу Няньци:

— Глянь на свои пальцы — совсем синие! Обморожения не было? В такую сырость руки в рукава не прячешь — вот и мёрзнешь. Потом начнутся язвы, будешь плакать: зудят, опухают, кожа трескается. А если на суставах выскочат — совсем беда. Согнёшь палец — рана разойдётся, мясо наружу... ты...

Уголок рта у Лу Няньци дёрнулся. Молча он взял тонкое одеяло и швырнул его себе на колени:

— Может, помолчишь?

Тон его был наполовину Лу Няньци, наполовину Лу Шицзю — словно упрямый и невежливый костяк лишь слегка прикрыла сдержанная оболочка.

Каменщик Чжан не обратил внимания на дерзость, с удовольствием укрыл одеялом колени обоих и засунул под него грелку. Раскалённая медь мгновенно наполнила одеяло теплом; жар проникал под кожу, в кости, поднимался по почти онемевшим ногам — невероятно приятно.

Даже упрямый Лу Няньци, немного погревшись, расслабился, и его побелевшее от холода лицо порозовело. Он пошевелил пальцами и наконец тоже сунул руки под одеяло.

— Вот так-то лучше, — сказал Каменщик Чжан. — Ты ещё молод, чего стесняешься? Мёрзнуть — не стыдно.

Лу Няньци отвернулся, пропуская болтовню мимо ушей.

— В твоём возрасте колени беречь надо, а то в старости ходить не сможешь, — с видом знатока продолжал Каменщик Чжан. С тех пор как он сел в повозку, его рот не закрывался ни на минуту.

Однако, едва он это произнёс, как почувствовал неладное. Подняв глаза, он случайно встретился взглядом с Сюэ Сянем, который сидел напротив и выглядел так, будто «ходить не может».

Каменщик Чжан побледнел, сжался и, сглотнув, пробормотал:

— Я... я замолчу. Замолчу.

Когда он наконец умолк, Цзян Шинин, до сих пор молчавший, потирая виски, тихо произнёс:

— Ты тогда, у повозки, остановил меня, велел не задавать лишних вопросов. Что это значило? Они...

Он невольно взглянул в щель занавески и, понизив голос, продолжил:

— Они странные? Зачем мы тогда сели в повозку?

Каменщик Чжан, услышав это, снова не удержался:

— Не думаю, что бандиты. Грелку дали, еду... Плохие так не станут.

Сказав это, он шлёпнул себя по губам:

— Всё, это последнее. Больше не буду.

Лу Няньци безразлично закатил глаза, явно раздражённый болтовнёй, но, следуя холодному характеру Лу Шицзю, сдержался.

Сюэ Сянь, до этого спокойно сидевший в углу, начал искать вино, о котором говорила старуха. Перебирая вещи, он бросил:

— Здесь есть свои табу, о них лучше не спрашивать. Я тогда мельком видел: два мешка, что они в повозку грузили, неплотно завязаны были, ткань из них торчала.

— А, я тоже видел, — сказал Цзян Шинин. — Яркая, пёстрая. Ты в театре бывал? Мне показалось, на театральные костюмы смахивает.

Сюэ Сянь нашёл кувшин с вином и принялся греть его, отчего жидкость забулькала.

— Запах ничего, — пробормотал он, затем продолжил. — Какой там театр? Разве театр сравнится со мной?

Цзян Шинин: «...» Ну да, ты и сам сыграешь не хуже.

— Можно я ещё слово вставлю? — спросил Каменщик Чжан.

— Кто тебе рот затыкал, язык рвал? — раздражённо отозвался Сюэ Сянь. — Ерунду не неси, дело говори.

— Пока они вещи грузили, я к их повозке подошёл, заглянул, — сказал Каменщик Чжан. — Маленький господин прав: там много театрального скарбу — гонги, барабаны... И впрямь актёры, труппа бродячая. Тот, со шрамами на лице, — главарь, наверное. Остальных пересчитал — старые, молодые, все ампуа набраны, как раз для большого спектакля.

В районе управы Аньцин театральные труппы и впрямь много. Иные в театрах осели, под крышей, жизнь спокойней. Есть и знаменитости, на слуху у народа. А есть и такие, что без постоянной сцены, по свету колесят, представления дают где придётся. Иногда их в театры приглашают, а то и просто на перекрёстке или в деревне помост сколотят.

— Тот мужчина говорил, они тоже в уезд Цинпин направляются, — сказал Цзян Шинин. — Если табу есть, не будем спрашивать. Раз вы не помешали нам сесть, значит, проехать вместе — не беда, верно?

— Пока по запретной дороге не пойдём, проблем не будет, — ответил Сюэ Сянь.

С этими словами он бросил горячий кувшин на деревянный столик.

Каменщик Чжан украдкой потянулся к нему, но Сюань Минь, сидевший напротив, лёгким щелчком по запястью ударил его — будто по нерву попал, — и рука тотчас обмякла.

— Это вино нельзя пить, — холодно сказал Сюань Минь, даже не взглянув на него.

— А? — Каменщик Чжан вздрогнул, в голове мелькнули догадки, и он поспешно отдернул руку. Подумав, он взглянул на узелок с едой. — А провизия?..

— Ешь, — сказал Сюэ Сянь. — После этого нас в повозке останется четверо, будет просторнее.

Каменщик Чжан: «...»

Сюэ Сянь раздражённо махнул рукой.

Внутренний жар поднимался снова и снова. Хоть и не так мучительно, как в облике маленького дракона, приятно мало. Он пытался собрать жар в ладонях и найти что-нибудь холодное, чтобы остудиться. Если жар накапливался и не находил выхода, терпение начинало лопаться.

Молча уставившись на крышу повозки, он будто невзначай опустил руку под столик и обхватил ножку.

Примерно через время, достаточное для чашки чая, повозка дёрнулась. Цзян Шинин и остальные невольно наклонились вперёд, инстинктивно ухватившись за край столика.

— Ай! — Цзян Шинин резко вдохнул.

Каменщик Чжан просто взвизгнул.

Лу Няньци отдернул руку и, бросив взгляд на Сюэ Сяня, процедил:

— Если будешь продолжать греть, этот столик скоро сварится.

Сюэ Сянь, устроивший эту шалость, сделал вид, что не слышит, и продолжил смотреть в щель занавески, после чего молча переложил руку на край сиденья.

Ещё через время Сюань Минь покачал головой, взял его за запястье и поднял раскалённую ладонь:

— Ладно, поищи другое место.

Если продолжать в том же духе, на этом сиденье уже нельзя будет сидеть.

Сюэ Сянь подумал и положил руку на дверь повозки.

Вскоре весь салон потеплел, а затем начал понемногу нагреваться.

<http://bllate.org/book/16289/1468043>